

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Виктория Лебедева

Слушай птиц

Виктория Юрьевна Лебедева

Слушай птиц

**Серия «Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48804240

Слушай птиц:

ISBN 978-5-08-006073-1

Аннотация

Отдых в этнографическом музее вместо обещанного Диснейленда – перспектива для одиннадцатилетнего Ярослава так себе. Он ужасно разочарован, что его ждут каникулы в Сибири, в обществе странных родственников, у которых много детей, но мало денег. Что ему там делать-то? Ворон считать, как дядя-орнитолог? Или нянчиться с мелкими двоюродными сёстрами? Он зол на родителей – вот удружили!

Ярослав нехотя садится в самолёт, прижимает к себе рюкзак с ценными вещами, чтобы не украли, – и ещё не знает, что всего за месяц ему предстоит научиться классно фотографировать, лепить из глины, влюбиться... и даже предотвратить преступление.

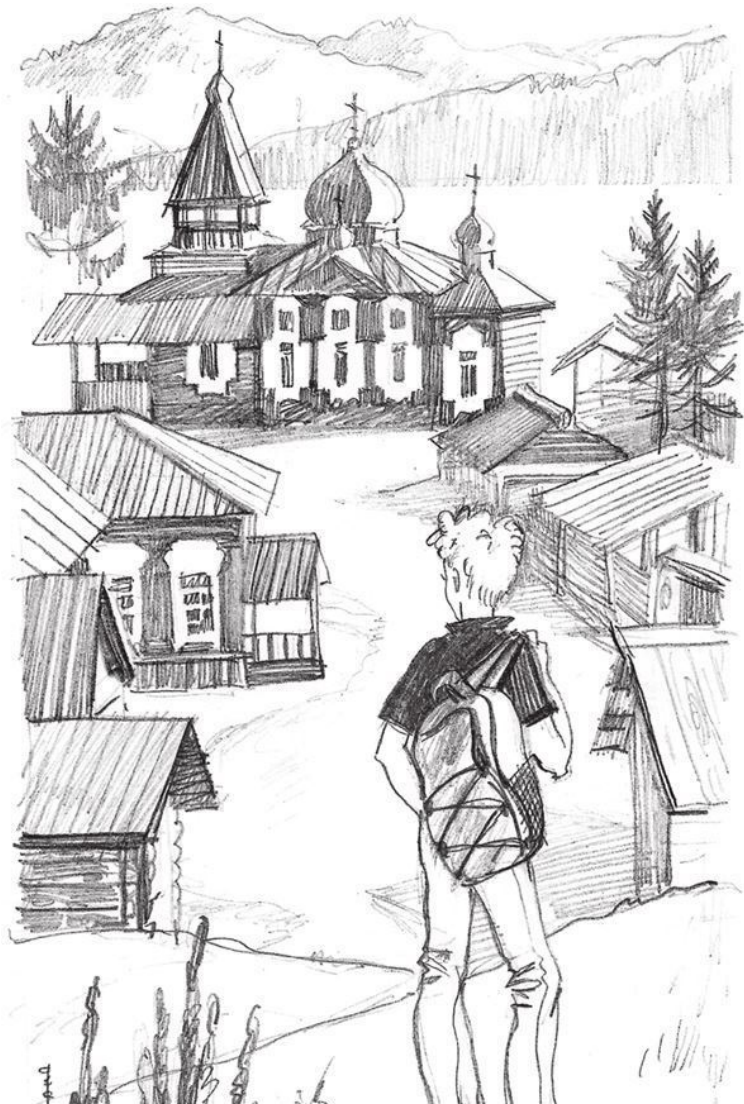
Лауреат 3-ей премии VI Международного конкурса имени Сергея Михалкова (2018).

Для среднего школьного возраста.

Содержание

О конкурсе	7
Глава 1	12
Глава 2	25
Глава 3	35
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**Виктория
Юрьевна Лебедева
Слушай птиц**

© Лебедева В. Ю., 2019

© Курбанова Н. М., иллюстрации, 2019

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2019

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почётным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушёл из жизни. В память о нём было решено проводить конкурсы регулярно, что происходит до настоящего времени. Каждые два года жюри рассматривает от 300 до 600 рукописей. В 2009 году, на втором Конкурсе, был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ».

В 2018 году подведены итоги уже шестого Конкурса.

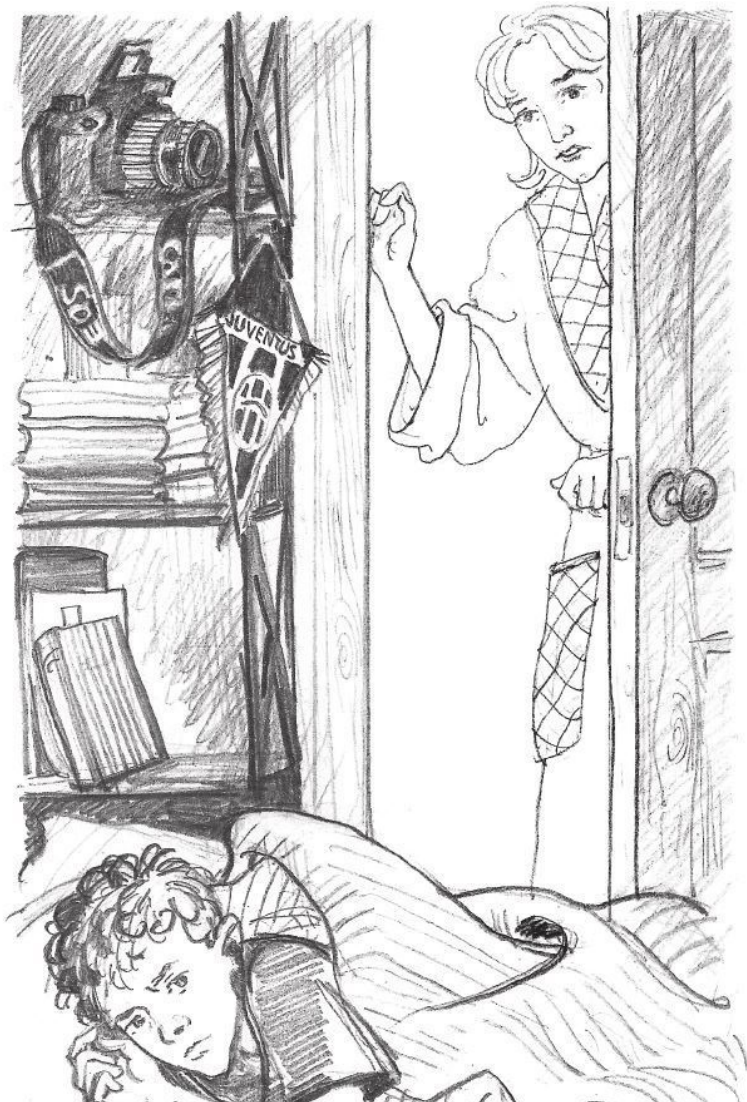
Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри:

взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его подростковом «секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

С 2014 года издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. К началу 2019 года в серии уже издано около 40 книг. Выходят в свет повести, романы и стихи лауреатов шестого Конкурса. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию.

Глава 1

Он боялся этой поездки. Конечно, не так сильно, как боялся зубного врача или там получить «пару» за четверть (последнее вообще из области фантастики), а испытывал беспокойство, как перед годовой контрольной. Беспокойство было похоже на ежа. Ёж свернулся клубком и ворочался под рёбрами, шкрябая иголками изнутри, и не то чтобы это было больно, но вот спать совершенно невозможно. Не хотелось ехать к «чудикам», тем более на всё лето.

– Ярослав, котёнок, ты спишь? – Мама заглянула осторожно, прошептала почти неслышно, и у неё над головой темноту прорезала полоска жёлтого света из коридора.

Он посильнее зажмурился и засопел, давая понять – да, сплю. Ненавидел, когда его называли котёнком. А также солнышком, зайчиком, сынóчкой и Яриком (впрочем, Яриком – это в школе, это девчонки; родители всегда звали его только полным именем).

И отец, и мама вечно твердили, что он уже большой, но, когда доходило до дела, всё самое важное всегда решалось без него. Неужели они действительно думали, будто он ничего не слышит и не знает, когда по ночам сидели на кухне за закрытой дверью и вели свои серьёзные взрослые разговоры?.. Они никогда не кричали, нет. Но в такое время мамин голос, обычно прищёптывающий и убаюкивающий, становился неприятно высоким и звенел, а папа отвечал коротко и резко, в один слог. От этого внутри тоже начинал ворочаться ёж, но по утрам всё опять становилось как обычно, родители как родители...

– «О»! Ответственность! – любила говорить мама. – «Дэ»! Доверие! «Че»! Честность! – И всё в таком роде, на каждую букву алфавита.

И папа ей поддакивал. А сам-то обманул, ещё как!

С осени было решено, что если Ярослав окончит год «на отлично», то летом поедут в Диснейленд, на целую неделю. «Максимум две четвёрки, по необязательным предметам!» – разрешил тогда папа – Ярослав собственными ушами отчётливо слышал. У него в итоге и оказалось две – по изо и по краеведению, но, когда про Диснейленд заикнулся, папа на

него та-ак посмотрел... Сами наобещают, а сами...

В доме вообще происходило после Нового года что-то странное. Ему, например, запретили отвечать на звонки по городскому телефону, когда звонят с незнакомого номера. Категорически. Он однажды не послушался (ну интересно же!), поднял трубку, а там оказался какой-то глупый соцопрос: сколько у вас дома телевизоров и какие каналы сейчас включены? Но родителей не было дома, а сам он телевизор не смотрел (зачем человеку телевизор, когда у него планшет есть?). В общем, странно...

Папа, когда поднимал трубку, тут же её бросал, едва поднеся к уху. Как утюг потрогал, вот честно. А мама вообще ходила возле аппарата и смотрела на него с ужасом, пока не заводился автоответчик. Но странно: никогда на автоответчик ничего не говорили, а сразу за сигналом начинались короткие гудки.

Мама и папа всё дольше по ночам засиживались на кухне, всё громче говорили, и с некоторых пор мама взяла за правило заглядывать к Ярославу перед сном и шёпотом спрашивать, спит ли он. После этого, понятное дело, спать уж точно не хотелось, а хотелось красться на цыпочках по коридору и подслушивать под дверь.

Ярослав так и делал, но всё равно ничего не понимал. Родители теперь говорили цифрами, упоминая какие-то банки, какие-то суды. Они часто спорили и немножко ссорились (и тогда чувствовалось, что виноват, пожалуй, папа, а мама, по-

жалуй, права). Потом продали мамину машину. А в конце мая, точно гром среди ясного неба, вдруг выяснилось, что этим летом отдыхать всей семьёй никуда не едут, а его, Ярослава, отправляют к «чудикам»!

– Зато там Байкал! – говорила мама убеждённо. – Поверь мне, Ярослав, это гораздо, гораздо лучше любого Диснейленда. Вся Европа туда стремится!

Как будто ему было дело до всей Европы! Он уже всем пацанам в классе развонил про Диснейленд. А всё потому, что раньше папа никогда его не обманывал!

«О»! Ответственность... Мамина сестра тётя Марина была безответственная – это родители часто обсуждали, Ярослава не только не стесняясь, но даже подчёркивая «воспитательный момент». Стоило в чём-то проколотся – и никогда в жизни не виденная тётя Марина выходила на подмостки в качестве примера, как не надо делать и думать.

– Представь, Володь, – обращалась мама к папе (а на самом деле к Ярославу), – она ведь по математике была лучше меня! Могла легко поступить на экономиста. Или хоть в бухгалтерский колледж какой-нибудь. Так ведь нет, надо было выпендриться, выбрать академию искусств! Картиночки ей было интересно рисовать!

Ярослав не понимал, что тут плохого. Художник – это же круто. Вот бы и ему научиться хорошо рисовать и запросто изображать всё что угодно.

– Лучше быть хорошим экономистом, чем посредственным художником, – поддакивал папа и выразительно смотрел на Ярослава.

Ярослав втягивал голову в плечи. Вечная четвёрка по ИЗО – это тоже был повод для частых домашних обсуждений за столом и родительских шуток.

«Безответственная» тётя Марина всё и всегда делала не так, поперёк воли родителей, царствие им небесное! Во-первых, поступила в эту самую академию и, вместо того чтобы заняться нормальным делом, которое прокормит, училась малевать картинки и лепить фигурки. Во-вторых, после третьего курса познакомилась с «чудиком» – со своим дядей Мишей – и немедленно выскочила замуж. Выскочила, бросила академию и уехала к чёрту на рога. И добро бы человек попался нормальный, так ведь нет: дядя Миша был «прости господи, орнитолог»!

Когда Ярослав впервые услышал слово «орнитолог», он подумал, что это какая-нибудь профессия для неудачников, вроде дворника или сантехника, и ужасно удивился, узнав, что орнитологи изучают птиц.

– Птичек! – усмехалась мама. – Взрослый мужик скачет по лесам за птичками!

– И считает ворон, – уточнял папа, выразительно глядя на Ярослава. – По копейке за штуку.

То есть становилось понятно, что профессия так себе и что таким, как дядя Миша, быть не нужно.

Но самое страшное, что эти безответственные люди, тётя Марина с дядей Мишей, «чудики», постоянно рожали.

– Подумать только! Уже четвёртый! – восклицала мама.

– Нет, ну я понимаю, что каждому мужчине хочется сына, – вторил ей папа. – Но когда уже есть три девицы... Такая жизнь сумасшедшая, одного бы вырастить-поднять... Как можно так подставляться? Взрослые ведь люди, не с луны свалились!.. И на какие шиши они там живут?

Послушать маму, «безответственная» тётя Марина могла бы добиться в жизни всего, что только пожелает, если бы жила не по прихоти, а по уму. Могла бы, например, окончить свою академию и тоже перебраться из Воронежа в Москву – вот мама-то с папой перебрались, и ничего, зацепились, держатся пятый год, Ярослава, слава богу, в престижную школу удалось пристроить, с традициями, с языками. А «чудики»? Жить-то ещё ладно, но где, интересно, они учат старших девочек в своём заповеднике? В сельской школе какой-нибудь? Кошмар!

Воронеж Ярослав помнил смутно. Даже не понял, когда переехали, что теперь живёт в другом городе: он ведь был ещё маленький. Всё то же самое оказалось – дома, люди, машины. Но мама с папой очень-очень радовались смене места, а значит, радовался и он. Хотя, если почестному, особенно-го времени на радость у него не оставалось. Потому что плавание, большой теннис и для гармонии танцы, плюс репетитор по английскому дважды в неделю, плюс гитара. И если

при этом учесть, что класс математический, то времени «на глупости» (как мама это называла) не оставалось совершенно, не то что в Воронеже. Вот почему Ярослав так мучительно ждал каникул. Вот почему так ждал Диснейленда. Ему очень хотелось полениться вволю. А вместо этого в последний школьный день в доме появился «чудик», дядя Миша.

Дядя Миша вошёл смущённый, стал неловко топтаться у двери и ударился лбом о вешалку – сверху посыпались кепки, беретки и шапочки, до сих пор не убранные на зимнее хранение, потому что у мамы руки не доходили. Дядя Миша был высоченный, сутулый и нескладный. За спиной он принёс пыльный оранжевый рюкзак (одна лямка была кое-как примотана скотчем), на ботинках – около тонны грязи, а в руках – корзинку с одуряюще сладко пахнувшей клубникой.

– «Королева Елизавета Вторая», – сказал дядя Миша и протянул маме корзинку.

– Что – королева? – растерялась мама.

– Сорт «Королева», – ответил дядя Миша и покраснел. Сам сделался как клубника.

Волосы у дяди Миши были светлые, перепутанные и пыльные, глаза голубые. Он смотрел на маму и папу растерянно, моргал часто, и вид у него был как у накосячившего школьника. Тем страннее выглядела на этом детском лице густая и тоже пыльная борода.

Мама с папой расступились, пропуская гостя вглубь ко-

ридора. Дядя Миша снял с плеча свой огромный рюкзак, но так и не решился его опустить на пол, пока мама не указала пальцем место у галошницы. Рюкзак, поставленный на донышко, немедленно потерял равновесие и упал набок, цокнув по полу застёжкой. Дядя Миша подхватил его за лямку и вернул в вертикальное положение. Рюкзак завалился снова. Дядя Миша подхватил, вернул. Рюкзак завалился... ну и так далее.

– Ванька-встанька! – смущённо хмыкнул дядя Миша и оставил рюкзак в покое. – Пусть так лежит, я потом... Ну... как вы тут... живёте?

Вопрос был совершенно безобидный, но прозвучал почему-то не к месту, и дядя Миша покраснел снова.

– Скоро будем обедать, – сказала мама и ушла на кухню.

– Располагайся, – сказал папа. – Будь как дома.

А Ярослав ничего не сказал, только рассматривал «чудика» и молчал. Дядя Миша поймал его взгляд и протянул руку:

– Ну, привет!

– Здравствуйте. – Ярослав вежливо ответил на рукопожатие.

– Какой ты... огромный... – пробормотал дядя Миша.

Ярослав пожал плечами. Кто бы говорил.

Потом дядя Миша мылся, а все остальные пили чай на кухне по соседству. Сначала за стеной зашумел душ, потом что-то обрушилось в ванну, и из-за двери слышалось коротенькое дядь-Мишино «ой!».

– Мыльница, – сказала мама, прислушавшись.

В ванной опять что-то обрушилось, уже погромче, и опять слышалось «ой!». По дну ванны, судя по звукам, катались какие-то предметы.

– Угловая полочка, – сказала мама. – С дезодорантами.

Тут за дверью раздался настоящий грохот, полиэтиленовый шелест и протяжное даже не ойканье, а какое-то завывание.

– Занавеска... – вздохнула мама и встала из-за стола. Подошла к двери ванной, постучала осторожно: – Миша, у вас всё в порядке?

– Да-да-да! – торопливо затараторил дядя Миша из-за двери. – Вы это... я исправлю всё, не волнуйтесь...

Из ванной донёсся drobный стук множества падающих мелких предметов.

– Стаканчик с зубными щётками, – сказала мама и вернулась за стол.

Ярослав хрюкал в чашку, так что по чайной поверхности аж пузыри пузырились, но родителям почему-то было не смешно: они смотрели друг на друга с тревогой, так что и ему смеяться в конце концов расхотелось.

Ночью дядю Мишу положили спать в детской, поставили раскладушку под окном, и теперь Ярослав никак не мог уснуть, всё прислушивался к дядь-Мишиному всхрапыванию, доносящемуся с другого конца комнаты. Оно было похоже то на смешок, то на всхлип и раздавалось каждый раз неожиданно, без всякой системы – вот жёсть!

Ярослав выбрался из-под одеяла и потихоньку вышел в коридор. В кухне горел свет – ну разумеется! Родители ещё не спали, а опять обсуждали что-то, слегка раздражённые.

– Вот как отправлять его с таким, а? – спрашивала мама.

– Думаешь, дома лучше?.. А если сюда действительно придут, начнут тут...

– Что начнут, Володь? Ну что?!

– Сама знаешь... Ты подумай, Танюш, какая это для ребёнка может быть травма! Он же перепугается до смерти. Начнут отбирать все эти его планшеты, или вон гитару, или фотоаппарат, или велик новый...

– Давай я отвезу всё это к подруге, я же предлагала!

– И что? Как ты Ярику объяснишь, куда всё делось?

Услышав «Ярик», Ярослав поморщился. И вообще, всё это было ужасно странно – и стрёмно. Испугается до смерти чего? Чего ему бояться у себя дома? И с какой радости кто-то может прийти и забрать новый велик? Так он и отдал, ха!

В коридоре было прохладно, из-под порога дуло по босым ногам, и Ярослав перетоптывался с мыска на пятку, как учили на разминке в школе танцев. В груди пробудился и заворочался ёж. От холода, что ли?

– А там, думаешь, ему будет лучше? – спросила мама примирительно.

– Ну конечно! – торопливо ответил папа. – Там природа, свежий воздух... Байкал вот, сама говоришь. Модное место! Мы должны быть им благодарны, Тань. Если бы они сейчас отказались его принять, что бы мы с тобой делали?

– Ох, не представляю... – вздохнула мама. – Так и знала, что нельзя лезть в ипотеку... И когда всё это кончится, а?

– Потерпи, Танюш, – ответил папа тихо. – Это кризис, просто кризис... Сейчас у всех так. Продажи грохнулись, зарплаты просели вчетверо. Но не вечно же это будет! Ведь не вечно...

Тут на кухне послышался скрежет металлических ножек по полу и стукнула, открываясь, дверь – Ярослава мигом сдуло в свою комнату, замотало одеялом с головой.

Он лежал затаившись, сердце громко стучало в горле и ушах. Думал, как это – «грохнулись продажи»? Что ли, все товары с полок попадали на пол? Их, может быть, какой-нибудь неловкий дядя Миша оттуда сшиб случайно? И что такое «зарплаты просели»? Непонятно.

А около письменного стола уже стоял его доверху набитый чемодан на четырёх колёсах, и был собран рюкзак со всякими важными электронными вещами, без которых жизнь современного одиннадцатилетнего человека немыслима. Завтра вечером они с дядей Мишей должны были сесть в самолёт и целую ночь лететь неизвестно куда, где Ярославу предстояло встретиться со своими двоюродными сёстрами и маленьким братом.

Глава 2

Пока ехали в аэропорт, Ярослав уткнулся в планшет и гонял во все подряд игрушки, но ни в одну толком не игралось. Ёж всю ночь не давал нормально спать, а сейчас и вовсе разошёлся, разросся, даже на живот давил. Ни на маму с папой, ни тем более на дядю Мишу Ярослав старался не смотреть. Потому что мама была в панике – на лице написано; папа полностью был занят мамой, а на странного дядю Мишу чего смотреть? Ещё насмотрится до начала нового учебного года. Хотя нет, враньё... косился он на дядю Мишу одним глазом – может, потому и не игралось.

А дядя Миша всю дорогу спал. Сначала спал в троллейбусе по дороге к метро, пристроив свой непомерный рюкзак между колен и упершись в него лбом, потом проснулся, чтобы спуститься по эскалатору, и тут же снова заснул – благо ехали от конечной и свободное место в вагоне запросто

отыскалось. Рюкзак теперь стоял в ногах, и обе лямки дядя Миша накрепко обмотал вокруг запястья, чтобы тот не заваливался. В следующий раз он ненадолго проснулся, чтобы пересесть на кольцевую, и ухитрился заснуть даже там, стоя в толпе пассажиров, обняв рюкзак обеими руками, положив голову на клапан, а спиной прислонившись к двери с надписью «Не прислоняться». В аэроэкспрессе с его удобными креслами уж сам бог велел заснуть, и дядя Миша с удовольствием последовал этому велению, ещё и тронуться не успели. Рюкзак остался на багажной полке у входа. Дядя Миша тоненько всхлипывал и всхрапывал, как накануне ночью, и даже причмокивал немножко.

Ярослава не покидало ощущение, что это не взрослый человек, а переодетый ребёнок, просто очень-очень высокий и бородатый. Возникло нестерпимое желание потянуть за бороду и проверить – вдруг фальшивая? Аж руки зачесались. Но это было нельзя, поэтому Ярослав только заёрзал.

– Как ты, солнышко? – всполошилась мама. – Тебя не тошнит? Ничего не болит?

«Солнышко»... Как чуть какая ерунда, так сразу «солнышко»! Лучше бы оставили человека дома и про Диснейленд не ввали... Ну а что? Вот и Славка оставался в городе до конца месяца, и Марат. Могли бы провести время как люди. А теперь?! Мало того что отправляют неизвестно куда одного, так там ещё девчонки! И не просто девчонки, а мелкие вообще. Что он там делать-то будет?!

Обидно было до ужаса, но Ярослав старался виду не показывать: папа говорил, что эмоции приличный человек обязан держать при себе, иначе ничего в жизни не добьёшься. То-то он спокойненький такой. Притворяется, наверное.

– В самолёте обязательно поешь, слышишь? – наставляла мама. – Да выключи уже свою игрушку, когда с тобой разговаривают!

Теперь она злилась. На что, спрашивается?

– За вещами следи, фотоаппарат не потеряй, – продолжала мама торопливо. – Это тебе не «мыльница» какая-нибудь, он знаешь сколько стоит!

Ну вот, началось... Сперва подарят, а потом сами на уши садятся: сколько стоит, сколько стоит! Прямо всю радость портят.

– И если или я, или папа звоним тебе по телефону...

– ...я должен немедленно снять трубку... – заученно пробурчал Ярослав и в этот момент понял, что улететь от маминых бесконечных нотаций подальше не такая уж плохая идея, пожалуй. Ёж в груди при этой мысли волшебным образом утомился.

В самолёте Ярославу повезло: его место оказалось у иллюминатора, и можно было сколько хочешь глазеть с высоты «боинга» на маленьких людей и машинки, тянущие за собой крупные бусины лотков с чемоданами. Он уселся, вцепившись обеими руками в рюкзак, воткнул в уши наушники,

сделал погромче музыку в смартфоне и уставился за окошко в полной уверенности, что дядя Миша в соседнем кресле опять спит.

Прощание вышло... лучше не вспоминать, какое вышло прощание. Сначала мама напустила строгости и стала на весь зал отчитывать Ярослава, как младенца, непонятно за что: ничего он такого не делал.

– «О»! Осторожность! – твердила мама как заведённая. – «Вэ»! Внимательность! «Бэ»! Бережливость!.. И не отворачивайся, не отворачивайся, когда я с тобой разговариваю! Береги своё. Фотоаппарат не потеряй. И за планшетом следи, а то знаю я тебя!..

Ярослав робко пытался вставить слово: мол, ладно, мам, не волнуйся, будет тебе твоя бэ-бережливость, жалко, что ли. Планшет, между прочим, он бы и сам никому не отдал, что он, дикий? Но мама ничего не слышала, она говорила и говорила, как реклама в телевизоре, а потом неожиданно взяла и разрыдалась, опять на весь зал, причитая, как это он, Ярослав, всё лето будет без неё.

Ярослав переминался на месте, краснел и сопел, пока мама тискала его и обцеловывала. Папа помалкивал в стороне и на прощание, когда уже пригласили на посадку, только руку пожал и велел быть «мужиком» и не обижать девочек, «потому что ты вон какой здоровый лоб, а они маленькие». Ну спасибо, папа. Прямо заняться будет Ярославу нечем, кроме как обижать своих многочисленных двоюродных сестриц!..

Дядя Миша всё время прощания полулежал в низеньком металлическом кресле, выставив в проход длинные ноги в грубых ботинках, и – вот именно – спал. Во даёт!

Между рядами пошла стюардесса, проверяя, все ли пристегнулись, и велела Ярославу наушники из ушей вынуть, а рюкзак убрать на багажную полку. Ага, сейчас! Ищи дурака! У него там всё самое ценное! Он мёртвой хваткой вцепился в свою поклажу и крепче прижал к животу. А то правда пропадёт чего, мама потом весь мозг съест.

Ярослав поднял глаза и встретился взглядом с дядей Мишей. Тот, к удивлению Ярослава, вовсе не спал, а с улыбкой наблюдал за ним.

– «Гэ»! Логика! – сказал дядя Миша и выразительно посмотрел на рюкзак.

Логика не на «гэ», а на «эл» – хотел было поправить Ярослав, но, едва открыв рот, вдруг сообразил, что дядя Миша над ним смеётся.

– Давай рассуждать логически, – предложил дядя Миша, посерьёзнев. – Готов?

– Ну, предположим, готов, – недовольно буркнул Ярослав и ещё крепче стиснул рюкзак.

– Все мы сейчас сидим в самолёте. Пристёгнутые, на своих местах. Так?

– Ну так...

– А наши вещи лежат над нами на полках... Допустим, ты

захотел что-то украсть у соседа. Как ты это сделаешь?

Ярослав задумался. А и правда, выходило, что никак. На взлёте, когда вставать нельзя, уж точно никак. Железобетонно.

– И потом, – продолжал дядя Миша, – ты посмотри на свой рюкзак-то. Вон какой большой. И яркий. И застёгнутый на все эти молнии. И ты один знаешь, что у тебя в каком кармане, а карманов много. Но даже ты, я уверен, чтобы найти что-то маленькое и ценное в эдакой куче, вынужден будешь крепко повозиться. Разве нет?

Ярослав нехотя кивнул. Это была чистая правда. Пока в рюкзаке найдёшь чего-нибудь, сто лет пройдёт. И если тебе будут нужны, к примеру, ключи от квартиры, то сначала вместо них обязательно попадутся ручка, телефон, кошелёк, ластик, наушники и всё прочее – и уж только потом, когда ты как следует свой рюкзак возненавидишь, ключи наконец обнаружатся на самом доньшке самого последнего кармана, в котором ты – вот честное-пречестное слово! – уже смотрел как минимум четыре раза.

– В самолёте сейчас вообще не очень воруют, – продолжал объяснять дядя Миша. – А знаешь почему?

– Потому что самолёт могут себе позволить только обеспеченные люди? – предположил Ярослав, почти дословно процитировав маму.

Дядя Миша рассмеялся:

– Ну нет, брат. Честность и обеспеченность – это как клуб-

ника и горчица. Совсем разные вещи.

– А тогда почему?

– Всё просто. Билеты именные. Сколько нас здесь? И все мы пересчитаны по документам:

по паспортам, по свидетельствам о рождении. И за каждым закреплено конкретное место. К тому же все мы тут друг у друга на виду, а бродить по самолёту как-то не принято. При таких условиях вору довольно тяжело работать, согласишься. Вот разве ты оставишь без присмотра что-нибудь совсем маленькое: телефон там или плеер. Что можно быстро и незаметно в карман сунуть, проходя мимо. Тогда, конечно, некоторый риск есть. Но и он невелик. Не догадываешься почему?

– Почему?

– Потому что по статистике честных людей гораздо больше, чем нечестных. – Дядя Миша опять улыбался, и его всклокоченная борода от этого смешно топорщилась. – Не важно, обеспеченные они или нет, в самолёте они летят или идут по улице. Важно, что воровство для них не является нормой поведения, а считается всё-таки отклонением от нормы.

– Получается, люди не воруют, потому что знают, что это плохо? – спросил Ярослав.

– Вроде того... Не так уж просто заставить себя совершить преступление, даже самое малюсенькое... Так что давай-ка свой рюкзак, а то стюардесса возвращается и сейчас будет нас ругать.

Ярослав наконец-то расцепил руки и позволил дяде Мише убраться на багажную полку. Оставил себе только план-

шет, чтобы поиграть после взлёта, и смартфон в кармане.

– Пойми правильно, Ярослав, – сказал дядя Миша, усаживаясь на место. – Я вовсе не утверждаю, что осторожность не важна и ничего не значит. Просто всё хорошо в меру, согласен?

Ярослав пожал плечами.

– Люди всякие бывают, тут твоя мама совершенно права. Но не доверять всем сразу и постоянно – это, пожалуй, перебор... Ты уж не обижайся. И не думай, будто я тебя воспитывать пытаюсь, ты достаточно взрослый, чтобы самому разобраться.

На этих словах самолёт тронулся и порулил на взлётную полосу.

Во время взлёта дядя Миша опять уснул – ну и силён же он был спать в самых неподходящих условиях! А Ярослав сидел и думал о нём. Станный тип. Вернее, не так. Он ведёт себя странно, не как папа с мамой, но никакой он, кажется, не «чудик». Голос не повышал, мораль не читал, не нудил «подрастёшь – поймёшь», а раз – и за три минуты убедил. И это его, Ярослава, про которого мама всегда (и справедливо) говорила, что он упрямый как осёл! Чудеса, да и только! Вот интересно, он правда считает его взрослым или так, подлизывается?

Глава 3

Мама дала Ярославу денег на такси от аэропорта и до самого музея-заповедника даже с запасом, потому что «устанете с дороги и чтобы не мотаться, а то дядя Миша с тётей Мариной не могут себе позволить».

Мама вообще очень любила эту тему – когда кто-то из знакомых не мог себе что-то позволить, чего они с папой могли. Стоило купить новую вещь – гитару ли для Ярослава, или ноутбук, или домашний кинотеатр, или ещё что-нибудь, как начиналось... Ярославу от таких разговоров всегда становилось неудобно. Ну то есть это было здорово, конечно, что они могут себе позволить, но вот в школе, например, учительница подобные разговоры сразу пресекала, объясняя, что приличному человеку материальными благами хвастать стыдно. Да и нематериальными тоже. Хвастаться – это дурной тон.

Он однажды, ещё давно, попытался выяснить, отчего мама ведёт себя так. Спросил:

«Мам, хвалиться плохо?»

«Очень плохо», – сразу согласилась мама.

«А почему же ты всё время... – Тут Ярослав замялся, ему показалось, что он сейчас говорит что-то не то, но остановиться уже не смог, выпалил: – Почему ты всё время хвалишься?»

«Я?! – Мамины аккуратные брови полезли вверх. – Это когда же я...»

Ярослав совсем смутился. Стал бормотать под нос:

«Ну... это... вот когда фотоаппарат... Ты ещё сказала, что какой-то дяденька у тебя на работе о таком мечтает, но не может... не может себе позволить, потому что у него семеро по лавкам...»

И ещё когда, помнишь, тебе папа шубу подарил...» Мама расхохоталась:

«Ярослав, дорогой! Но с чего ты взял, что я хвалюсь? Я ведь правду говорю. Чистую правду!

А люди, когда хвалятся, они всегда пре-у-ве-ли-чи-ва-ют».

Тут Ярослав совсем запутался, почувствовал себя маленьким и глупым. Вроде бы мама всё так хорошо объяснила, а всё равно что-то в её объяснении было не так. Только он не мог уловить, что именно. Поэтому больше подобных разговоров не заводил: себе дороже.

...После самолёта он заикнулся было дяде Мише про такси, но тот сказал:

– Вот ещё. Тут на маршрутке меньше часа!

И они поехали на маршрутке.

Чемодан туда еле поместился и всё норовил укатиться по проходу в конец салона: у него были классные колёса, которые никогда не заедали. Так что дяде Мише пришлось всю дорогу его ловить, и он Ярославу едва все ноги не отдал этим чемоданом. Ну почему в самом деле не поехать на такси? Зачем было так мучиться? Ужасная глупость!

Дорога тянулась с холма на холм. Временами маршрутка подпрыгивала, как гигантский кузнечик, и её выносило на встречную полосу. Она неслась под горочку, чемодан – бум! – с разбегу тыкался дяде Мише в колени, потом немножко притормаживала и ползла вверх – чемодан под собственным весом уезжал на расстояние вытянутой дядь-Мишиной руки и стучал по ногам уже Ярослава. Кроме того, дядя Миша держал свой рюкзак, обняв его другой рукой, – прямо как настоящий эквилибрист из цирка. Он вместе с рюкзаком подпрыгивал на поворотах чуть не до потолка, и Ярослав на своём сиденье подпрыгивал. Не маршрутка, а «американские горки» какие-то. Хотя всё равно ведь не Диснейленд...

Дядя Миша сидел спиной к водителю, в первом ряду, а Ярослав напротив, на отдельном кресле у окошка. За окном ничего особенного: трава как трава, деревья как деревья, де-

ревни как деревни. Иногда попадались какие-нибудь козы или коровы, поодиночке и толпой, – но что он, коров не видел, что ли? Подумаешь!

Довольно скоро маршрутка остановилась посреди дороги, Ярослав с дядей Мишей выгрузились на обочину и тронулись в глубь леса. Тропинка была утоптанная, но чемодан по ней всё равно нормально ехать не хотел и заплетался всеми четырьмя колёсами.

– Да, брат... Так мы с тобой два часа до места идти будем... – сказал дядя Миша и легко подхватил строптивую ношу за бочок. А чемодан-то был тяжёлый, мама туда много чего положила – на все случаи жизни!

«Ничего себе, сильный какой!» – подумал Ярослав уважительно. Хотя по виду не скажешь, скорее наоборот.

Он старался идти с дядей Мишей в ногу, только у него плохо получалось. Тот шагал широко, по сторонам не зевал, о корни не спотыкался – сразу было видно, местный человек.

– Дядь Миш, а это мы где? – спросил наконец-то Ярослав.

Они уже минут пять шли, и идти уже надоело, а лес всё не кончался, и никакого жилья вокруг видно не было.

– Это музей-заповедник, – ответил дядя Миша через плечо. – Архитектурно-этнографический.

– Где же тут архитектура? – Ярослав огляделся: кругом торчали одни берёзки да ёлки.

– Погоди, будет тебе архитектура, – заверил дядя Миша.

– А ты... то есть вы... тут работаете, да?

– Можешь говорить мне «ты», без проблем. – Дядя Миша остановился, поставил на землю чемодан и рюкзак (рюкзак немедленно упал). – Нет, Ярослав. Работаю я в городе. В университете преподаю. А здесь работает моя жена, она же твоя родная тётя Марина. Ну что, пойдём дальше?

Ярослав растерянно кивнул. Он-то всё время думал, что дядя Миша «чудик», а тот, оказывается, преподаватель!

Там, куда они пришли, домики были сплошь деревянные и по виду очень-очень старые – гораздо старше, чем в дачных посёлках, где они с папой и мамой иногда проводили в гостях выходные.

– Дядь Миш, и что же, тут люди живут, да? – спросил Ярослав с сомнением.

– Нет, – улыбнулся дядя Миша. – Тут как раз музей. Со всей области свозили старинные дома, самые красивые, и вот, выстроили эту улицу – для туристов. Интересно ведь, как люди раньше жили, правда?

Ярослав пожал плечами. Честно сказать, интересно ему не было.

Прошли до конца улицы и свернули в сторону, где в отдалении виднелось ещё несколько деревянных строений. Но это оказался уже не музей, а домики для персонала. «И в чём разница?» – думал Ярослав. Такие же, как в музее. Вот разве рамы не настолько белые, и заборов нету, и с виду страшные какие-то – с чёрными досками, покосившимися крылечка-

ми.

Когда поднимались по лестнице на второй этаж, ступеньки прогибались и жалобно скрипели, аж зубы сводило. И перила под рукой были какие-то неубедительные – вот-вот обвалятся. Но дядя Миша шагал не оборачиваясь, и Ярослав шагал следом, а куда деваться?

Дверь оказалась в конце длинного, плохо освещённого коридора. Дядя Миша боком толкнул её, без звонка и без стука, не отпирая никаких замков, и она с весёлым визгом поехала в сторону.

– Вот, заходи, – велел дядя Миша. – Располагайся, – и исчез в проёме.

Ярослав осторожно заглянул внутрь. Это была огромная комната – одна! – где стояло всё на свете: и стол, и холодильник, и шкаф, и кровати по стенкам, двухэтажные, и диван под покрывалом, пыльный даже с виду, и плитка, на которой свистел заляпанный пузатый чайник. А в центре комнаты за низким столиком сидел целый выводок белоголовых девчонок. Ничего себе! Их должно было быть всего три, а тут оказалось штук десять – и все они как по команде повернули головы в сторону Ярослава и стали на него с любопытством глазеть. Из-за стола поднялась худенькая женщина – и Ярослав аж подпрыгнул: ну просто вылитая мама получилась бы, если бы ей вместо светлой косы рыжую стрижку, а вместо платья в цветочек – джинсы и водолазку!

– Здравствуй, проходи! – сказала женщина приветливо и

двинулась навстречу Ярославу. – Ты совсем взрослый человек, а я в последний раз видела тебя ещё грудничком, так что давай знакомиться. Я – тётя Марина.

При слове «грудничок» Ярослав покраснел и покосился на девчонок: засмеют ведь! Но те ничего, никак не отреагировали, ф-ф-у-у...

Тётя Марина осторожно приобняла его за плечи, отобрала рюкзак. Обернулась в сторону белоголовой команды:

– Девочки, ну что это, в самом деле, такое? Идите знакомьтесь с братом!

С мест поднялись три девчонки – всего три, слава богу! – но самая старшая – вот ужас-то! – была выше Ярослава чуть не на полголовы. А ведь она была младше на целый год с хвостиком, Ярославу мама говорила... Несправедливо!

Девчонки подошли, встали перед Ярославом в шеренгу и опять давай глазеть – да что они, нормального человека не видели?! Платья, выцветшие, великоватые, из тонкой пёстрой материи, у всех одинаковой, делали их похожими на юных цыганок, которые часто топтались у метро. Мама строго-настрого запрещала Ярославу к ним даже приближаться, не то что разговаривать.

– Я Оля... – наконец выдала самая мелкая. – У меня есть заяц!

Зайца она, впрочем, не предъявила.

– Тётя Марина, а можно я тоже познакомлюсь?

Из-за общего стола поднялась и подошла ещё девчонка –

и Ярослав застыл, как полный идиот.

Он не обратил на неё внимания, когда вошёл, она сидела спиной к дверям. Но сейчас, когда приблизилась, он уставился на неё, точно загипнотизированный, — ничего не мог с собой поделать. Девчонка улыбалась. Она была красивая, как в рекламе: глаза огромные, ясные, тёмные; кудри по плечам и всё такое, чему положено быть у идеальной рекламной девочки. И голос красивый тоже, не писклявый и не резкий. Ярослав с облегчением отметил, что они примерно одного роста.

— Яна, — представилась девчонка. — А ты что же, натурально с Москвы?

– Яночка, не «с Москвы», а «из Москвы», я тебе уже говорила, – мягко поправила тётя Марина.

– А, какая разница! – беспечно отмахнулась та. – Так чего, правда?

Она подошла почти вплотную, так что Ярославу пришлось сделать шаг назад.

– Так, дети! Урок окончен, по домам! – громко сказал дядя Миша, который до этого потрошил свой рюкзак, поместив его на диван. – Надо же отдохнуть человеку с дороги, как считаете?.. И да, Яна, правда. Но это мы обсудим завтра. А с дороги человека нужно что?..

– Напоить, накормить и спать уложить! – сказали дети за столом недружным хором и засобирались.

Ярослав, опять к своему облегчению, разглядел, что это не одни девчонки. Тут есть и мальчики, пусть и совсем малышня.

Все убежали в коридор, лишь Яна не уходила, а топталась около Ярослава. Ему было ужасно приятно, хоть он бы фиг кому в этом признался.

– Яночка, – опять мягко обратилась к ней тётя Марина, – приходи завтра, хорошо? Ярослав всю ночь летел, ему отдохнуть надо, акклиматизироваться. Это у нас тут белый день, а у него дома сейчас ещё утро.

И волшебная девочка нехотя вышла. На ней тоже было платье в цветочек, примерно как у двоюродных сестёр, но

выглядела она почему-то не как цыганка у метро, а как дорогая старинная кукла – и Ярослав едва не свернул шею, провожая её взглядом.

В комнате что-то загремело, и ещё, и ещё. Он обернулся. Крошечный ребёнок в съехавших колготках стоял у стола, который доходил ему аж до самого носа, и сбрасывал оттуда всё, до чего удавалось дотянуться. Определённо, этот человек был счастлив.

– Олечка, нельзя! – Тётя Марина в один шаг подскочила к пацану и подхватила его под пузико, как котёнка.

Глава 4

К ночи Ярослав знал о своих родственниках буквально всё: девчонки оказались болтливые, особенно старшая, Оксанка.

Тётя Марина, к примеру, водила по территории музея разные экскурсии и вела мастер-класс: как всамделишный гончар, на всамделишном гончарном круге делала посуду из глины, а ещё учила детей и взрослых лепить свистульки. И правда, все полочки в огромной комнате, куда попал Ярослав, были заставлены всякой глиняной ерундой. Были тут и кувшинчики, и какие-то миски, и свистульки в виде птичек и коней, и подковки, и колокольчики, и бог знает что ещё. Всё это лежало и стояло в каждом уголке, готовое и не очень, расписанное и нет, стопками и поврозь. И за рабочим сто-

лом, где застал всю честную компанию Ярослав, дети сидели не просто так, а расписывали смешные глиняные фигурки, которые сначала сами и слепили, поэтому было не очень понятно, у кого кто.

В этой недораскрашенной глиняной толпе отыскался и Олькин заяц. Если бы Ярослава не предупредили, что это именно заяц, то он бы, наверное, подумал, что это крыса или просто белый огурец с глазами. Но его предупредили, и при некотором усилии он определил два длинных уха и хвостик. Олька была счастлива.

– Мне уже вот сколько лет!

Она гордо выставила перед носом Ярослава растопыренные пять пальцев, а потом, под строгим взглядом старшей Оксанки, спрятала большой внутрь ладошки. Смешная!

Услышав похвалу своему зайцу, Олька тут же прониклась к Ярославу самыми нежными сестринскими чувствами: повисла у него на руке, преданно заглядывала в глаза, как маленькие девчонки умеют. Ярослав краснел и потел. Он совсем не привык общаться с такими малявками и боялся шевельнуться: Олька была худенькая и хрупкая, точно эльф.

Зато Оксанка, которой ещё и одиннадцати не исполнилось, смотрела на Ярослава буквально сверху вниз и тараторила, как диджей на радио: про то, что папа, когда забирал Ярослава, его не просто забирал, а летал на птичью конференцию в Казахстан и возвращался через Москву, потому что напрямую самолёты отсюда на конференцию не летают;

что завтра рано-рано утром ему ехать по работе на биостанцию, и поэтому все должны сегодня лечь пораньше и не шуметь; что маленький Олежек утром съел козявку из носа – мерзость гадостная; что Олька жуткая надоеда и теперь не отлипнет; что их всей семьёй на прошлые выходные нарядили в народную одежду и фотографировали для настоящего журнала; что папа из Москвы привёз много шоколада, но теперь всё равно будут выдавать по одной дольке, потому что Олеська от сладкого чешется...

Средняя, Олеся, всё это время тихо сидела на нижнем ярусе одной из кроватей и насупленно косилась на Ярослава, Оксанку и Олю.

– Олесенька, ну что ты опять дуешься? – спросила тётя Марина с досадой. – Подойди, поиграй со всеми...

– Не хочу! – буркнула Олеся. – А они и не играют! – И сердито скрестила руки на груди, обиженно выпятив губу.

– Не обращай внимания, – сказала Оксанка. – Она всегда такая. У неё переходный возраст.

Дядя Миша хохотнул.

– Переходный возраст – это сколько? – уточнил Ярослав растерянно.

Ему мама с папой говорили, что когда он будет в переходном возрасте, то все наверняка от него наплачутся. То есть даже у него переходный возраст ещё не начался, а эта Олеся – она же мелкая совсем! Не такая, как Оля, но всё равно...

– Переходный – это шесть, конечно! – авторитетно сказала

Оксана. – Мне когда шесть лет было, я знаешь какая вредина была! А как пошла в школу, сразу вся вредность у меня и кончилась.

Дядя Миша и тётя Марина переглянулись и, не удержавшись, рассмеялись.

– А ведь это она тебя цитирует сейчас, – заметила тётя Марина мужу.

– Так ведь правду говорит, – отозвался тот.

– А знаешь, как папина биостанция называется? – сказала Оксанка заговорщически. – Большие Коты!

Ярослав засомневался. Не может быть такого названия, Оксанка его, наверное, разыгрывает. Поэтому он постарался принять суровый вид, чтобы не подумали, будто он дурачок и на такие шутки ведётся.

– Оксан, ну сколько тебе объяснять!.. Это не станция так называется, а место, где она находится! Чувствуешь разницу? – поправил дядя Миша.

Так это, выходит, правда? Ярославу невольно представились Большие Коты. Три штуки. Такие толстые, лохматые, в котелках и с тросточками. Бред какой-то!

– Дядь Миш, а чего это место так назвали... чудно? – спросил он.

– Да кто ж его знает, – улыбнулся дядя Миша. – Одни говорят, что это в честь ловушки для рыбы – такого лабиринта из прутьев на мелководье, куда рыба заплывет и не может выбраться, и раньше было не «коты», а «котцы».

Другие – что это в честь такой тёплой обуви, и тогда надо говорить не «коты́», а «ко́ты»... Только мне эти варианты как-то не кажутся убедительными... А вообще это интересный вопрос, ты прав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.